

«СИБИРЯК»: ОБЩНОСТЬ, НАЦИОНАЛЬНОСТЬ ИЛИ «СОСТОЯНИЕ ДУШИ»?

Алла Анисимова, Ольга Ечевская

Алла Анисимова – старший преподаватель кафедры социологии Новосибирского государственного университета. Адрес для переписки: ул. Пирогова, 2, комн. 203а, Новосибирск, 630090, Россия. anissimova27@academ.org.

Ольга Ечевская – научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, доцент кафедры общей социологии Новосибирского государственного университета. Адрес для переписки: ул. Пирогова, 2, комн. 203а, Новосибирск, 630090, Россия. echevskaya@gmail.com.

Статья написана на основе исследования, проведенного авторами при поддержке фонда им. Фридриха Эберта (проект «Сибиряк: составляющие образа / особенности идентичности» [май 2011 – май 2012]), полевой этап исследования: сентябрь – декабрь 2011 г.

Трансформации современных обществ (ключевыми среди которых являются глобализация и локализация, развитие и интенсификация глобальных миграций) и расширение границ видимого мира приводят к пересмотру концепции социальной идентичности в общественных науках. Идентичность жителей Сибири представляет в этом контексте особый интерес, поскольку отражает многообразие культурных, политических, экономических эффектов процессов глобализации и локализации. Кроме того, как показано в работе, сибирская идентичность представляет собой и индивидуальную идентичность, и изменения в понимании индивидами себя и своего места в мире, и новый вид социальной солидарности, и способ политического высказывания.

Статья написана с позиций деятельностной версии конструктивистского подхода и посвящена выявлению и описанию ключевых элементов сибирской идентичности, контекстов ее формирования и форм актуализации, а также основных региональных особенностей и различий в представлениях о сибирской идентичности. Показаны формы актуализации сибирской идентичности («сибирский характер», «политическая нация») и ее основные измерения (территориальная, этническая, политическая), региональные особенности актуализации идентичностей, обоснована продуктивность исследования идентичностей в переселенческих обществах как в обществах особого типа – «сделанных», динамичных и изменчивых.

Ключевые слова: социальная идентичность; региональная идентичность; Сибирь; политики идентичности

Концепция социальной идентичности в последнее время часто подвергается пересмотру в социальных науках, приобретая одновременно все большее значение для описания социальных процессов, происходящих в современных обществах. Эссенциалистский взгляд на идентичность, предполагающий фиксированность, «заданность», устойчивость традиционных идентичностей, постепенно уступает свои позиции социально-конструктивистскому подходу (Акопов и Розанова 2010; Брубейкер и Купер [2000] 2002; Jenkins [1996] 2008). Это находит отражение и в теории и методологии изучения социальной идентичности. Несмотря на продолжающуюся дискуссию между сторонниками эссенциализма и конструктивизма в этой области, можно говорить о том, что все большее признание получает взгляд на идентичность как подвижную, множественную, ситуативную и контекстуальную категорию. Все чаще в фокусе исследования оказываются процессы конструирования идентичности на уровне повседневности, связанные с социальными взаимодействиями и деятельностью индивидов.

Такие изменения в понимании идентичности связаны, прежде всего, с социальными трансформациями современных обществ, ключевыми из которых являются глобализация и локализация, развитие и интенсификация глобальных миграций и т.д. Процесс глобализации влечет за собой изменения в организации социальной жизни по целому ряду направлений:

- Ускорение социальных взаимодействий (в том числе «внетерриториальных»/«кросс-территориальных»), что ставит под сомнение «безусловность» привязки места работы и места жительства к определенной территории. Это имеет следствием проблематизацию и размывание традиционной связки «идентичность – территория» (Appadurai 1995).
- Кризис национальных государств и возникновение наднациональных экономических и политических образований, новых солидарностей, организуемых без привязки к государственным границам. Вследствие таких изменений связка «государство – нация – национальная/этническая идентичность» пересматривается, и совпадение двух типов систем – этноса и государства – уже не кажется естественным (Акопов и Розанова 2010:24).
- Развитие глобальных миграций и/или осознание их принципиальной возможности самыми разными слоями населения: даже если индивид по каким-либо причинам физически не может переехать, средства массовой информации предоставляют ему возможность помыслить себя в разных частях физического и социального (в том числе национально-этнического) пространства (Appadurai 1995). Такие изменения актуализируют идентичности благодаря созданию возможностей для разноплановых сравнений себя с разнообразными «другими» (если не в опыте, то в воображении).
- Политизация идентичностей (в особенности – территориальных и этнических) и использование их в качестве инструментов политической мобилизации в ситуациях борьбы за признание, а также за значимые в (со)обществе ресурсы (Брубейкер и Купер [2000] 2002).

Основная задача нашего исследования – описание логики формирования, содержания и форм актуализации сибирской идентичности (как национальной, этнической, территориальной, региональной и политической) в представлениях жителей трех сибирских городов, а также выявление региональных особенностей содержания и проявления сибирской идентичности.

На фоне обозначенных тенденций сибирская идентичность представляет особый интерес. Она отражает и многообразие культурных, политических, экономических эффектов процессов глобализации и локализации, и изменения в понимании индивидами себя и своего места в современном мире. Сибирская идентичность, во-первых, является локальной/территориальной/региональной и позволяет увидеть изменения в пространственной организации социальных отношений и идентичностей. Во-вторых, она представляет собой культурный феномен, который отражает взаимодействие глобальных тенденций и локальных откликов на них. Кроме того, сибирская идентичность (как и всякая другая) является биографическим проектом и основана не только на понимании и осмыслении территории и ее границ, но и на способе взаимодействия с территорией (то есть связана с историей проживания индивида на территории и за ее пределами). Это позволяет на конкретном примере раскрыть способы формирования идентичности как, с одной стороны, встроенной в биографический проект, с другой стороны – формирующейся в течение жизни во взаимодействии с социальным и географическим пространством. Наконец, сибирская идентичность представляет собой политический проект (в широком смысле слова), поскольку является одним из видов «новой солидарности», способом публичного заявления общности о себе с целью признания отличий, культурной специфичности, социальных и экономических прав.

В последнее время тема сибирской идентичности приобретает особую актуальность в связи с ростом регионального самосознания в России в целом и в Сибирском регионе в частности. Это проявляется во все более активных попытках населения регионов привлечь внимание центра к своим социально-экономическим и экологическим проблемам, в осознании региональных культурных особенностей, росте интереса к истории своего региона. Предварительные результаты последней переписи населения демонстрируют и такие проявления регионального самосознания, как появление новых национальных самоидентификаций, среди которых в количественном отношении выделяется национальность «сибиряк»¹. В свете вышесказанного изучение сибирской идентичности становится сегодня социально значимым проектом.

Центральным для нашего исследования является следующий круг вопросов: что такое сибирская идентичность в представлении самих сибиряков, откликом на какие социальные процессы она является; что составляет основу этой общности в представлениях разных людей; когда и как она актуализируется.

¹ Тайга.инфо. 2011. «“Сибиряков” в России за восемь лет стало почти в 412 раз больше». 20 декабря. Просмотрено 25 декабря 2011 г. (<http://www.tayga.info/news/2011/12/20/~106368>).

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ СИБИРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНАЯ, ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ, КУЛЬТУРНАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ВЕРСИИ

Традиционно сибирская идентичность понимается в эссенциалистском ключе: как основанная исключительно или преимущественно на общности территории проживания. Наиболее распространены определения сибирской идентичности как территориальной (Мосиенко 2010) или региональной (Сверкунова 1996; Смирнова 2009).

Наталья Шматко и Юрий Качанов понимают территориальную идентичность как результат отождествления «я – член территориальной общности». Содержательно территориальная идентичность определяется как переживаемые и/или осознаваемые смыслы системы территориальных общностей, формирующие практическое чувство и/или осознание территориальной принадлежности (цит. по: Мосиенко 2010:67). Предполагается, что для каждого индивида при фиксированном наборе образов территории механизм идентификации постоянен и объясняется скорее «внешними» по отношению к индивидам категориями. В частности, важными являются масштаб и границы территориальной общности, к которой индивид чувствует причастность: это может быть как ограниченная территория – конкретное место (город, село, область), так и более широкие пространства – Россия или даже (все еще) СССР.

Развитая территориальная идентичность предполагает максимизацию различий между территориальными общностями и сходств внутри своей территориальной общности. Кроме того, «усвоение сходных для проживающих на определенной территории образов и смыслов и «переплавка» их в личностные смыслы агентов становится базой для солидарных действий, а также и более широко – базой для репертуара всевозможных практик» (Там же:68). Таким образом, территориальная идентичность представляет собой не просто набор согласованных представлений, но и фундамент для солидарности и (коллективной) активности. Однако здесь описываются содержание и «последствия» идентичности, между тем, вопросы о том, как именно происходит «переплавка» и каким образом формируется территориальная идентичность, остаются непроясненными.

Исследование Натальи Мосиенко (2010) развивается по похожей по исходным предпосылкам логике. Важным в этой работе оказывается содержательное структурирование территориальной идентичности как сформировавшейся на данный момент времени, а также исследование ее особенностей в разных локальных территориальных общностях Новосибирска и его окрестностей. Предпосылки и условия формирования идентичности, индивидуальные смыслы, которыми наполняется «территориальная идентичность», а также факторы ее становления и изменения здесь также систематически не рассматриваются.

В литературе кроме территориального выделяются региональное, этническое, культурное, психологическое, историческое представления о сибирской идентичности. Марина Жигунова (2007:192) выделяет пять способов трактовки самого определения «сибиряки»:

- территориальное (сибиряки – это топоним);

- региональное (сибиряки – это люди, родившиеся и долго живущие в Сибири);
- «культурно-историческое» (сибиряки – это коренные жители Сибири (аборигены);
- психологическое (сибиряки – это особый тип людей с характерными чертами: крепкие, здоровые, с хорошими адаптационными способностями и т.д.);
- этническое (сибиряки – это «смешанный этнос», сложившийся на основе русских, с вкраплениями казахского, татарского, украинского и многих других народов).

При всем разнообразии пониманий сибирской идентичности в теоретическом плане в работах преобладает «эссенциалистский» подход – если не сформулированный прямо, то присутствующий на уровне исходных предпосылок исследования. Так, исследователи часто ограничиваются констатацией категорий самоидентификации «здесь и сейчас» (как «изначально заданных») и анализируют «распространенность» различных ее аспектов. При этом вопросы о том, какими смыслами эти категории наполняются для самих сибиряков, как формируются, каким образом разные составляющие образа складываются в единую и согласованную (хотя бы на индивидуальном уровне) идентичность, и как идентичность меняется во времени, в литературе остаются открытыми.

В эмпирических исследованиях можно наблюдать тот же дисбаланс: территориальная и региональная идентичности являются популярными темами в социологических, антропологических, этнографических исследованиях. При этом если вопросы о контекстах и мотивах формирования социально-территориальной общности затрагиваются в ряде работ (в частности, предполагается существование взаимосвязи между пространственной самоидентификацией и территориальными интересами (Богданова 1999; Орачева 1999), наличие местного патриотизма и чувства «малой родины» (Крылов 2005)), то вопросы о смысловом содержании и, в особенности, путях формирования территориальной самоидентификации на индивидуальном уровне в отечественных исследованиях последовательно не рассматриваются.

Таким образом, анализ существующих исследований сибирской идентичности показывает преобладание территориального и регионального взглядов на нее. Понятие «сибиряки» рассматривается почти исключительно как топоним, то есть сибиряками считаются все люди, проживающие в Сибири. В единичных исследованиях отмечается все более частое употребление термина в качестве этнонима, а также кризисное состояние идентичности населения сегодняшней Сибири в целом (Жигунова 2007). Большинство же эмпирических исследований исходят из эссенциалистских предпосылок – в том же ключе, как было показано выше. Конструктивистский подход (предполагающий не предзаданный, а сконструированный характер идентичности) в эмпирических исследованиях практически не представлен. Те немногие примеры, которые нам встречались, – это исследования, в которых представлена специфическая версия конструктивизма, предполагающая сознательное конструирование региональной сибирской идентичности «из-

вне» (как элитами, так и другими заинтересованными группами для решения своих задач) (Михайлов 2011).

Следует отметить, что культурная составляющая сибирской идентичности систематически в указанных работах также не рассматривается. При этом многие из них содержат описание «сибирского характера» – черт и качеств сибиряков, отличающих их от жителей других регионов страны (Сверкунова 1996). Что касается политической составляющей сибирской идентичности (в современной России), то она в собственно научных исследованиях не рассматривается в принципе².

Кроме того, общей проблемой существующих исследований сибирской идентичности является отсутствие рефлексии по поводу связи между спецификой региона (в особенности характером его освоения и заселения) и механизмами формирования региональной идентичности. Причина тому, на наш взгляд, – преобладание эссенциалистского подхода к региональным идентичностям, который, кроме прочего, предполагает «автоматический» характер возникновения или формирования региональных идентичностей. Возможно, такой подход допустим при исследовании стабильных территорий, на которых существуют веками складывавшиеся культурные общности. Однако, на наш взгляд, он едва ли применим к Сибири, где ключевую роль в связке «специфика территории – идентичность» играет переселенческий характер общества, предполагающий и освоение и преобразование среды, и навыки жизни в социально и этнически разнородном обществе, и интенсивную мобильность населения.

Следует отметить, что для нас территория так же в определенном смысле является «отправной точкой» при исследовании идентичности, но мы понимаем ее не как «генерирующее начало», из которого «следуют» идентичности, а как контекст и среду, во взаимодействии с которыми конструируется сибирская идентичность. Иными словами, мы полагаем, что схемы «автоматического» формирования или усвоения ключевых элементов идентичности не работают для подвижных, переселенческих обществ, поэтому наиболее продуктивным для исследования сибирской региональной идентичности представляется конструктивистский подход.

Кроме того, конструктивистский подход позволяет восполнить пробел, существующий на сегодняшний день в анализе сибирской идентичности: перейти от констатации категорий самоидентификации и анализа их «распространенности» к объяснению того, как формируется, актуализируется и изменяется сибирская идентичность в процессе и в результате деятельности на определенной территории, в специфических социально-экономических условиях, культурных и исторических контекстах.

² В последнее время в СМИ (см., например, публикации Олеси Герасименко (2012) в журнале «Коммерсант-Власть», Владимира Антипина (2011) в журнале «Русский репортер», Владислава Михайлова (2011) в журнале «Эксперт-Сибирь») появляются материалы о проблемах Сибирского региона и о росте регионального самосознания и протестных настроений вследствие осознания этих проблем жителями региона (основы политической составляющей сибирской идентичности). В научных исследованиях пока эта тема не представлена.

ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Из многочисленных подходов к исследованию идентичности, которые предлагает конструктивистская перспектива, мы придерживаемся деятельностного подхода, основная идея которого состоит в том, что идентичность формируется в активном взаимодействии индивида с окружающей реальностью: индивид «становится кем-то» в конкретных действиях, которые осуществляет в определенном контексте. Идентичность в таком понимании представляет собой не столько «качество» индивида, сколько способность классифицировать окружающую реальность определенным образом на основе способа взаимодействия с этой реальностью (знать, кто есть кто и что из этого следует) и определять свое место в этой системе классификации (Jenkins [1996] 2008).

Роджерс Брубейкер и Фредерик Купер в программном тексте ([2000] 2002) о трактовках и способах использования термина «идентичность» в социальных науках разделяют все существующие определения на пять групп в зависимости от того, с какими целями используется термин и что с его помощью предполагается подчеркнуть:

- идентичность как глубинное индивидуальное свойство, *ядро «Я» (Self)*;
- идентичность как коллективное явление, фундаментальное и последовательное *тождество* между членами одной группы или категории;
- идентичность как *фундамент* социальной или политической активности, не инструментальная, в отличие от «интереса», *основа* социальной и политической практики;
- идентичность как *продукт* социальной или политической активности, процессуальное развитие того вида коллективного самопонимания, которое делает возможным коллективное действие;
- идентичность как случайный продукт многочисленных и соревнующихся *дискурсов* (Там же: 73–76).

В нашем исследовании социальная идентичность понимается как *продукт социальной или политической активности*, как *процессуальное, интерактивное* развитие того вида коллективного самопонимания, солидарности или групповой сплоченности, который делает возможным всякое коллективное действие. Идентичность здесь понимается и как *продукт*, обусловленный социальной и политической активностью, и как *базис*, обуславливающий последующие действия.

В продолжение этой логики, важно отметить, что для понимания процессов формирования индивидуальной идентичности «сибиряка» наиболее продуктивной представляется конструктивистская перспектива, сфокусированная на микроуровне, на проблематике интеракции и творения идентичности. В этих концептуальных рамках идентичность рассматривается как нечто постоянно изменяющееся, творящееся, контекстуальное. Из «кирпичиков» уже существующих смыслов и цитат мы производим нарратив своей идентичности, уникальный смысл которого в то же время сильно завязан на актуальном контексте.

Исходя из сказанного выше, мы приходим к следующему рабочему определению *идентичности*: это способ классификации окружающего мира, в основе ко-

того лежит (коллективное) представление индивидов о себе, формирующееся в процессе взаимодействия с окружающей действительностью как продукт социальной, экономической и политической активности индивидов в сходных условиях жизни.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для решения поставленных задач был выбран разведывательный план исследования, основанный на качественной методологии и сочетающий возможности экспертного опроса и лейтмотивных интервью. Выбранная исследовательская стратегия позволяет описать максимально широкий спектр различий в представлениях о содержании и контекстах актуализации сибирской идентичности, а также ключевые основания этих различий, но не позволяет распространять выводы на население региона в целом, или говорить о распространенности выявленных типов представлений о сибирской идентичности.

Одна из исходных предпосылок исследования состоит в том, что пути формирования сибирской идентичности (как и любой другой) связаны с ее актуализацией в различных контекстах: идентичность оформляется в ситуациях столкновения или соприкосновения с «другим», в которых собственная принадлежность к социальным группам и сообществам перестает быть «фоновой» и становится социально значимой. Как было отмечено ранее, мы придерживаемся деятельностного подхода³ и считаем, что идентичность не является данной изначально (с рождения), не формируется «раз и навсегда» на ранних этапах социализации, а актуализируется и оформляется в процессе взаимодействия индивида с окружающей средой и социальной действительностью. Для того чтобы реализовать такой подход наиболее полно, исследование спроектировано как состоящее из трех «планов»:

- биографический (основное здесь – изучение роли биографических особенностей в формировании сибирской идентичности, он предполагает подробный анализ биографических траекторий информантов);
- экспертный (направленный на изучение дискурсов и идеологий вокруг сибирской идентичности и предполагающий проведение интервью с экспертами, рефлексирующими о сибирской идентичности в процессе своей профессиональной деятельности, – академической, политической, медийной и гражданской активности);
- сравнительный (нацеленный на выявление ключевых составляющих сибирской идентичности в разных регионах Сибири, а также на поиск и объяснение различий в «версиях» сибирской идентичности, обусловленных региональной спецификой (Восточная, Центральная, Западная Сибирь)). Важно отметить, что в данном исследовании речь идет только о городских идентичностях.

Все эти обстоятельства определили логику отбора информантов, а также структуру информационной базы исследования.

³ В этом смысле наше понимание идентичности ближе к «слабому» значению в терминах Роджерса Брубейкера и Фредерика Купера ([2000] 2002).

ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Сравнительный аспект работы обусловил выбор трех крупных сибирских городов, в которых проводилось исследование: Иркутск, Новосибирск, Омск. Сравнительный анализ предоставляет дополнительные возможности для того, чтобы «кристаллизовать» ключевые элементы сибирской идентичности, представить региональные особенности ее проявлений. Новосибирск, расположенный на юго-западе Сибири, – молодой (основан в 1893 году), быстро развивающийся, крупный город, культурный, промышленный и научный центр «новой Сибири». Иркутск – губернский город «старой Сибири», расположенный в восточной ее части, имеет историю развития, уходящую во времена царской России (основан в 1661 году), население его имеет большую укорененность в Сибири по сравнению с населением более молодых сибирских городов. Важную роль играет и близость Байкала, а также близость Китая и российского Дальнего Востока. Омск сочетает черты старой и новой Сибири, являясь, с одной стороны, ее историческим центром (основан в 1716 году), а с другой – городом-миллионником, одним из промышленных и торговых центров современной Сибири. Своеобразно и географическое положение Омска, расположенного одновременно и на внутренней границе (западной границе Сибири), и на внешней (граница с Казахстаном). Такие особенности географического положения и исторического развития городов дают основания предполагать наличие региональных различий в восприятии сибирской идентичности.

В каждом городе было проведено по пятнадцать интервью с жителями – предполагаемыми «носителями» сибирской идентичности, а также по пять интервью с экспертами. Отбор информантов осуществлялся таким образом, чтобы максимально полно представить обозначенные различия, как с точки зрения специалистов, имеющих в своей профессиональной деятельности дело с различными аспектами жизни в Сибири, так и в представлениях «простых сибиряков», по-разному включенных в социальную жизнь городов.

Отправной точкой исследования является предположение о том, что сибирская идентичность во многом определяется продолжительностью проживания на данной территории, историей семьи и ее перемещений, а также степенью и характером включенности индивида в процессы, происходящие на данной территории. Соответственно, отбор информантов осуществлялся с учетом таких различий.

Ключевыми критериями для отбора информантов (с тем чтобы представить различные типы жизненных траекторий) являлись:

- город рождения и проживания информанта;
- миграционная биография информанта (отражающая продолжительность проживания в Сибири, а также опыт проживания и пребывания в других городах, регионах, общностях);
- профессиональная деятельность (траектория) информанта, отражающая характер включенности в социально-экономические процессы на территории;
- этническая принадлежность (с учетом региональной специфики этнической ситуации);

- семейные истории (сколько поколений назад переехали в Сибирь предки респондента, каков был их род деятельности, особенности места проживания и т.д.).

Блоки путеводаителя интервью включали разделы о семейной истории и миграционной биографии информанта, поездках и путешествиях, о жизни в Сибири и ее особенностях, о контекстах актуализации сибирской идентичности, сибирском характере, а также о прошедшей переписи населения и о появлении в ней «сибиряков» как отдельной национальности.

Отбор экспертов (изучающих, «актуализирующих» сибирскую идентичность и транслирующих связанные с ней сообщения и смыслы) осуществлялся на основе анализа научных исследований, а также материалов прессы и блогосферы. В число экспертов вошли:

- исследователи, специализирующиеся на тематике Сибири и сибирской идентичности (социологи, этнографы, экономисты, историки);
- журналисты (представители традиционных медиа);
- блогеры;
- гражданские активисты (в том числе активисты экологических движений);
- идеологи и активисты акции «Я – сибиряк», приуроченной к проведению Всероссийской переписи населения 2010 года.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате анализа текстов интервью были выделены основания, на которых выстраиваются разные версии сибирской идентичности, устойчивые и проявляющиеся в нарративах информантов из всех трех городов. Кроме того, проанализированы региональные особенности сибирской идентичности (вариации, обусловленные спецификой города/региона проживания).

К числу основных версий сибирской идентичности были отнесены территориальная, региональная, этническая и национальная (политическая), логика выстраивания и содержание которых излагается в первой части раздела. Региональные особенности, касающиеся значимости (символического статуса) городов и других локальностей, и выстраивания на этой основе локальных идентичностей; актуальности социально-экономических, культурных и экологических проблем сибирских регионов и Сибири в целом; гражданской активности и гражданском участии в различных регионах Сибири рассматриваются во второй части раздела.

ВЕРСИИ СИБИРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

СИБИРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ПРОЕКЦИИ

Территория представляется наиболее очевидным фактором формирования сибирской идентичности. Действительно, территориальное измерение идентично-

сти упоминается как значимое в большинстве интервью, территория как основа общности «сибиряков» упоминалась многими информантами. При этом территория оказывается важной не «сама по себе», а в контексте взаимодействия с ней индивида, и роль ее в формировании сибирской идентичности актуализируется в нарративах наших информантов через деятельностные мотивы: территория «включается» в производство сибирской идентичности не автоматически, а как контекст, в котором осуществляются действия и происходят значимые события.

На наш взгляд, территория является лишь отправной точкой для определения сибирской идентичности, связь с территорией важна для актуализации идентичности, но сама она не является исключительно территориальной (или исключительно региональной). Ее содержательное наполнение и особенности определяются различными факторами, как связанными с территорией, так и условно «автономными» от территориального измерения идентичности.

Были выделены следующие территориально-пространственные предпосылки формирования сибирской идентичности, связанные со способом и характером взаимодействия индивида с территорией:

- жизнь в особых природно-климатических условиях;
- восприятие пространства и его «проживание»/освоение;
- восприятие сибирской земли как базовой ценности;
- «дух свободы» как важная особенность жизни в Сибири (исторически сформировавшийся в регионе вследствие отсутствия в Сибири крепостного права, а также наличия больших площадей неосвоенных земель и «бунтарства», приобретенного благодаря «сибирской ссылке»).

Рассмотрим каждую из них подробнее.

Природно-климатические условия. Природа (особенное отношение к ней и ее «особенная красота») также является одним из наиболее распространенных контекстов, в котором информанты говорят о том, что делает сибиряка сибиряком. Большой вклад природы в социализацию индивида, важная роль природы в организации жизни подчеркивается практически в каждом интервью как «ключевая» составляющая идентичности «сибиряка»: «Природа [в понимании сибиряка] – для меня очень важно. Это должен быть обязательно снег, лес, валенки [...] тайга непроходимая, непролазная [...]. Если ребенок вырос вот в этом вот – природа, кошки, собачки, все, что на улице, прогулки на лыжах – я считаю, что оно воспитывает» (Н., 32, ж., Омск).

Другой лейтмотив в интервью – «в Сибири холодно, и это закаляет». Сибирь – суровый край, с особенными, непростыми климатическими условиями жизни, и это определяет характер людей, делает их более стойкими, закаленными, терпеливыми:

Мы живем при низких температурах, если сравнить со столицей, то у нас холоднее раньше становится, долго холодно. И мне кажется, что мы такие все закаленные, и нам поэтому проще в чем-то жить, жить и чего-то добиваться (А., 25, м., Иркутск).

Условия внешней среды закаляют, в принципе – она нас здесь не балует [...]. Дух крепче, люди выносливее морально и физически. И терпимее люди, мне кажется. Терпимее и терпеливее – долго терпят (Н., 32, ж., Омск).

Однако «климатические» объяснения сибирского характера противоречивы: с одной стороны, сложность условий жизни способствует тому, что люди становятся более дружелюбными, открытыми, «душевными», с другой – необходимость справляться с непростыми условиями жизни может иметь и противоположные следствия: «Много энергии тратится на обогрев организма, следовательно, энергию надо экономить, и поэтому «человеческие» проявления более сдержанны, люди более сдержанные» (А., 33, м., Новосибирск).

При взаимодействии с территорией, ее климатом, пространством и простором, закаляется «сибирский характер» (который для большинства наших информантов является не только стереотипом, но и отсылает к узнаваемым характеристикам, особенностям сибиряков).

Пространство и опыт его проживания/освоения. Связанные с природными «пространственные» основания сибирской идентичности акцентируют большие (и в том числе – неосвоенные) пространства как важную составляющую условий жизни в Сибири. Наличие таких пространств и привычка жить в них определяют как отношение людей к Сибири, так и «мировоззрение» сибиряков в целом. Большие масштабы территории и огромные просторы являются важной составной частью контекста, в котором формируется сибирская идентичность: «Нельзя жить в этом и не чувствовать – тот масштаб, грандиозность этой природы [...]. Когда в самолете летишь пять часов, половину времени под тобой темная тайга, и потом только начинаются огоньки – ближе к концу пути...» (И., 32, ж., Иркутск).

«Неосвоенность» пространств и связанное с этим ощущение свободы и простора являются ценным отличием жизни в Сибири в сравнении с другими городами и странами: «...больше пространства, больше свободы. Вот в Японии, например, все пространства освоены. В инструкциях, как вести себя при землетрясении, например, написано: выбежать на открытое пространство, например, поле для гольфа. У них нет *просто* поля. А у нас есть» (А., 33, м., Новосибирск).

Кроме собственно пространственного аспекта, важную роль играют социально-экономические последствия территориальной отдаленности: инфраструктура развита неравномерно, большое пространство освоено только частично, коммуникации между большими и малыми городами (а особенно – между отдаленными районами и поселками) зачастую практически не развиты: «Здесь расстояния большое значение имеют. Например, самый северный поселок в Иркутской области – до него два с половиной часа на самолете, и билет туда-обратно стоит двадцать тысяч рублей. Намного дороже, чем в Москву» (В., 32, ж., Иркутск).

Такие условия иногда приводят к весьма причудливым соотношениям физического расстояния и ощущения «фактической» пространственной дистанции: «Почему-то часто получается, что коллегам из Новосибирска и Улан-Удэ проще, дешевле и быстрее встретиться в Москве» (В., 45, м., Новосибирск).

Оторванность, отдаленность, отдельность Сибири может интерпретироваться информантами и как цивилизационное отличие от западных районов страны, и как удаленность от центральной власти и ее воздействий. В этом контексте особенно подчеркивается важность регионального самосознания:

Когда я первый раз на пятом курсе попал на Запад – в Москву, Питер, – у меня было четкое ощущение, что я в другой стране. У меня сибирская идентичность присутствует. И это не просто жить в Сибири, а именно сибиряк. Для меня принципиально важно, что я не только этнический русский, но и сибиряк. Это и корни, и еще я деревенского происхождения. А нашу деревню сибирскую не так перемалывали, как российскую (В., 62, м., э.⁴, Иркутск).

Ну, есть своя жизнь со своими правилами, а есть Москва. Чем больше расстояние, тем эфемернее кажется то, что решается в Москве, что там происходит: они там решают, а у нас тут по-другому все... До царя далеко, в общем (А., 38, ж., Новосибирск).

Еще один вариант актуализации сибирской идентичности через ощущение и опыт отдаленности – историческая локальность, компактность и закрытость сибирских городов. Это играет роль и в формировании общности людей, и в складывании определенного типа отношений, уклада жизни, предполагающего большую солидарность, готовность к сотрудничеству, взаимопомощь: «Периферийность [...], с одной стороны, обостряет чувство неудовлетворенности, но, как противовес, получается сохранение коммунальности» (Г., 59, ж., Омск).

Однако можно говорить о том, что в последнее время роль этой характеристики в формировании сибирской идентичности также становится менее очевидной и менее однозначной: «Томск – наверное, самый сибирский город, он какой-то такой чисто сибирский, более закрытый, чем Омск. Мы все когда-то были закрытыми городами, а теперь открытые и... Я понимаю, что это хорошо экономически, но закрытость города была, мне кажется, в нашу пользу» (Н., 32, ж., Омск).

Вероятно, последствия глобализации (большая открытость культурных пространств других городов и стран, а также интенсификация миграционных потоков) сказываются и на макроконтексте формирования сибирской идентичности: локальность и отдаленность не сопровождается сегодня неизбежной прежде «культурной изоляцией», что особенно характерно для городов. «...в более-менее больших городах, где какая-никакая мобильность есть [...] – там уже ориентация на внешний мир, в том числе – на потребление, в отличие от замкнутых на себе маленьких городков, где важны соседи, а не возможность хорошо провести время и потратить деньги» (А., 38, ж., Новосибирск).

Соответственно, большую роль в формировании культурных идентичностей начинает играть не фактор отдаленности и «локальности» как таковой, а социально-экономические последствия этой отдаленности, которые люди ощущают и в повседневной жизни, и в профессиональной деятельности, а также культурные

⁴ Здесь и далее буквой «э.» обозначаются цитаты из экспертных интервью.

основания локальных солидарностей и различий и биографические факторы и особенности семейной истории.

Восприятие «своей земли» как базовой ценности. С темой ценности природы перекликается и тема особенной значимости сибирской земли, звучащая во многих интервью. Земля воспринимается сибиряками не как экономический ресурс, не как кладовая полезных ископаемых, а как самостоятельная ценность. По мнению многих информантов, именно любовь к сибирской земле формирует идентичность сибиряка:

Сибиряки отличаются особой установкой в отношении природы, какой-то «неэкспансивной» что ли. Жить на земле и с уважением к ней относиться, а не присваивать ее. Как в монгольской культуре, в которой важно не «оставить что-то после себя», а прожить жизнь так, чтобы минимально испортить эту землю своим личным присутствием (Т., 38, ж., Новосибирск).

Ощущение, что эта земля ценна, делает сибиряка сибиряком – и в этом смысле, конечно, это привязано к физической географии [...], это не просто недра, как нефть и газ, и вода еще [...], эта территория имеет для тебя какой-то дополнительный смысл [...], это не просто ресурс в литрах и кубометрах (И., 32, ж., э., Иркутск).

Отношение к сибирской земле может становиться водоразделом, отделяющим «своих», сибиряков от «чужих» (при этом факт непосредственного проживания в Сибири в некоторых интервью отходит на второй план): «И все, кто выходят на митинги за Байкал вместе с нами, даже в Москве, – они тоже сибиряки в том смысле, что они ценят эту землю» (И., 32, ж., э., Иркутск).

Ключевым в данном случае становится неравнодушное, не «потребительское» отношение к сибирской земле. Особенное отношение сибиряков к своей земле имеет выраженный деятельностный компонент. Многие информанты рассказывали о том, как они или их предки строили или делали что-то на этой земле, и именно поэтому земля становится особенно ценной, «своей»: «Они что-то здесь создали, построили и остались здесь жить, и эта принадлежность к общему делу в Сибири, это позволяет им чувствовать себя сибиряком» (А., 50, м., Иркутск).

Тезис, высказанный в приведенной цитате, является очень характерным и в том или ином варианте повторяется во многих интервью. По сути здесь представлен механизм формирования сибирской идентичности посредством деятельности, состоящий из трех элементов. Во-первых, речь идет о личной вовлеченности в созидательную деятельность на территории; во-вторых, личная деятельность является составной частью совместной, коллективной деятельности, появляется и становится значимой идея принадлежности к чему-то общему, надличностному, коллективному (общее дело в данном случае служит основой формирования общности). И, в-третьих, участники деятельности остаются жить, закрепляются на территории, сохраняют свою вовлеченность в локальные (региональные) социально-экономические процессы. Это отличает таких переселенцев от «освоителей-временщиков» (например, людей, приезжающих в Сибирь временно, на работу по контракту, или работающих вахтовым

методом). Последним, как правило, приписываются краткосрочные, прагматические ориентации и «потребительское» отношение к Сибири:

Как сибиряком стать – полюбить это надо, надо сюда прижиться, если тебе это к душе, тебе это все нравится, и общение нравится. Люди, которые тут осваивают вахтовым методом, уехали-приехали, осваивают, они не сибиряки, они просто тут работают. Но они, наверное, тут жить не хотят. Сибиряк – это более глубокое чувство: если даже я потом уеду куда-то, но столько лет я была сибиряком, то я останусь сибиряком (С., 59, ж., Омск).

Сибирская идентичность и «дух свободы». Значимой характеристикой жизни в Сибири является «предрасположенность к свободе». Здесь не существовало крепостного права, также было много бунтарей-ссылных, что накладывает отпечаток на общее ощущение, культурный фон: «Еще одна важная тема – про свободу, мол, у нас же не было крепостного права, поэтому мы здесь особенные. В кандалах привезли, но мы свободные все» (С., 40, м., э., Иркутск).

Некоторые информанты, правда, отмечают, что в последнее время этот аспект сибирской культуры выражен менее ярко:

До большевистского периода можно говорить о том, что предпосылкой формирования сибирского характера могло бы быть то, что здесь не было крепостного права. После [...] многие территориальные различия в плане ментальности в стране, мне кажется, были уничтожены, плюс широкая миграция из разных направлений, это сформировало очень размытую ситуацию. А до революции – да, это была большая ценность свободы и самостоятельности, чем в центральной России (А., 27, м., Омск).

Во многом благодаря такому «духу свободы» (с привкусом бунтарства) в сочетании с большими просторами складывается представление о «широте души» как одной из ключевых черт сибирского характера.

Итак, сибирская идентичность в территориально-пространственной проекции формируется во взаимодействии с природой, через ощущение простора и свободы, преодоление трудностей и выживание в непростых климатических и экономических условиях. Вклад в ее формирование вносят также специфический темп жизни и способы организации времени и деятельности, разные вариации общего ощущения свободы.

Кроме того, важным для формирования и актуализации сибирской идентичности является чувство и опыт отдаленности жизни в Сибири вследствие больших расстояний, а также ощущение существенного масштаба социально-экономического неравенства (как в сравнении с другими регионами России, так и при сопоставлении условий жизни в разных частях Сибири).

СИБИРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ЭТНИЧЕСКАЯ

Важной особенностью уклада жизни в Сибири является этническое многообразие: «Надо понимать, что Сибирь – это конгломерат народов, попавших сюда вольно и невольно» (Х., 58, ж., Иркутск).

При этом жизнь в окружении людей разных национальностей является «естественным фоном» повседневных взаимодействий и не только способствует большей этнической толерантности сибиряков, но и ощущается как важная часть повседневности, отсутствие которой становится заметным при перемещении в другие регионы:

Здесь этнически пестрый состав, и отсюда коммунальное сожительство, взаимопомощь... если мы начнем друг друга по этнической принадлежности [...], то мы передеремся все! [...] Была, помню, в Ленинграде, долго, и через некоторое время чувствую – чего-то не хватает. А села в троллейбус – сидят два казаха. И все встало на свои места – у них нет азиатских лиц. А мы тут, на юге Сибири – кругом азиатские лица (Г., 59, ж., Омск).

Это определяет как в целом более дружелюбное отношение жителей Сибири к представителям разных национальностей, так и особенный характер сплоченности, который делает сибиряков не просто жителями одной территории, но и в определенном смысле специфической общностью, основанной на большей терпимости и привычке к многообразию:

Все равно сибиряки более терпимые, у нас же столько национальностей – и я никогда не встречала каких-то конфликтов. А студенты у нас – и казахи, татары, буряты, очень много восточных [...], азербайджанцы, армяне [...], у нас нет конфликтов, даже в студенческой среде не припомню, чтобы были (С., 59, ж., Омск).

В интервью с жителями всех трех городов в том или ином виде подчеркивается культурное своеобразие современной сибирской повседневности, основанное на многообразии:

В Сибири создается среда, когда люди привыкают к тому, что может быть разное – разные языки, слова, кухня, лица на улице. Есть разница, которую они не осознают, пока не выезжают в другое место. Может быть, нельзя говорить о каком-то едином культурном пласте, о каких-то четких границах, это какой-то плавный переход, но он есть, и отличия [сибирские] есть. Это как аромат духов – достаточно одной капли, разлитой в воздухе, чтобы почувствовать аромат (И., 32, ж., э., Иркутск).

Этническое происхождение представляется важной предпосылкой формирования сибирской идентичности и на микроуровне и, предположительно, влияет на характер (содержание) и значимость самоидентификации «сибиряк» для индивида. В результате исследования удалось выявить несколько вариантов того, как именно индивид соотносит себя с общностью «сибиряки». Эти варианты характерны для людей разного этнического происхождения: выходцев из многонациональных семей и выходцев из моноэтнических семей разных национальностей (русские, немцы, буряты, казахи).

В целом можно сделать вывод о том, что сибирская идентичность в этнической проекции формируется во многом на основе привычки сибиряков к разноо-

бразию, умения жить в этнически многообразной среде, где соседствуют разные культуры.

На микроуровне сибирская идентичность зачастую выбирается как «зонтичная идентичность», замещающая национальность в том случае, когда невозможно выбрать одну из множества национальностей, представленных в семейной истории информанта:

Если говорить о сибирской идентичности [...] – это всегда тема пересечения культур, тема смеси [...]. Если заходит разговор о том, почему ты считаешь себя сибиряком, то тема перемешанных кровей будет – сто процентов, кто-то похвастается бурятскими, кто-то татарскими, еврейскими, немецкими и т.д. (С., 40, м., э., Иркутск).

В моей семье в двух поколениях несколько этнических групп, четыре религии. Я кем могу себя чувствовать, чтобы быть лояльной к ним всем? [...] А в рамках сибирской модели это возможно (И., 32, ж., э., Иркутск).

Если выбор сибирской идентичности как «зонтичной» характерен для выходцев из полиэтничных семей, то информанты моноэтничного происхождения, как правило, не используют сибирскую идентичность как заменяющую национальность. Этническая компонента самоопределения является для них либо определяющей, либо более значимой. Что касается общности «сибиряки» в целом, то их представления об этнической составляющей сибирской идентичности разнятся: для некоторых она носит этнически инклюзивный характер – сибиряками могут считаться люди разного этнического происхождения, для других сибирская идентичность носит этнически эксклюзивный характер (при этом исключение происходит по принципу внешних фенотипических отличий). В нарративах данной категории информантов можно выделить два варианта исключения/причисления к категории «сибиряки». Одни могут причислять самих себя к сибирякам, но тогда исключать других по признаку фенотипических (в основном расовых) отличий: «А бурят уже не сибиряк, если бурят идет, я же не скажу, что вот сибиряк идет, я скажу: бурят идет. Хотя он-то сам может себя считать сибиряком. [...] Бурят – это уже бурят. Якут – это якут» (И., 48, ж., Иркутск).

Другие, напротив, отрицают собственную «сибирскость» в качестве национальной общности, но считают, что этническая составляющая категории «сибиряки» может относиться к «другим» (в широком смысле этого слова) народам: «Возможно, коренные народы, возможно, татары какие-то могут себя сибиряками назвать» (О., 20, ж., Омск).

Для информантов, не рассматривающих сибирскую идентичность в качестве заменяющей национальность, основу общности «сибиряки» составляют общая территория, сходство образа жизни, интересов, проблем и чаяний жителей. При этом общность территории, ощущение ее «своей» подразумевает не только фактическое проживание на ней в настоящий момент. Наши информанты говорили о том, что даже переехав жить в другое место, многие люди из числа их знакомых и родственников продолжают считать себя сибиряками и воспринимать сибирскую землю как свою. Их продолжают волновать новости с «малой Родины» и проблемы ее жителей. Это дает

нам еще одно основание полагать, что сибирская идентичность, с одной стороны, не является сугубо территориальной, не основана исключительно на факте проживания в Сибири, с другой стороны – не является она и сугубо этнической (или заменяющей этническую) категорией. В данном случае, вероятно, уместнее говорить о сибирской идентичности в контексте формирования (пусть и в зачаточной стадии) гражданской, политической нации, основанной на все большем осознании жителями Сибирского региона общности интересов и проблем.

СИБИРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ: ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Информанты во всех трех городах демонстрируют осознание существующей дифференциации между европейской Россией, Москвой и «тем, что за Уралом» – азиатской Россией и Сибирью. Эта дифференциация является важным контекстом актуализации сибирской идентичности, четко осознается и артикулируется информантами. Категоризация социально-экономического и культурного пространства России в терминах «Москва vs Сибирь» или «центр vs регион», наряду с осознанием проблем Сибирского региона как берущих свое начало в этой дифференциации, приводит информантов к протестной форме самоидентификации, основанной на осознании «колониального» положения Сибири: «Есть Москва и есть вся остальная страна. Но к провинции в европейской части нет отношения как к колонии [...], а к Сибири есть, [...] это очень чувствуется» (В., 44, м., Иркутск).

Ощущение «колониальности», несимметричности, несправедливости тем острее, чем ближе к собственному опыту оказываются проявления несимметричных отношений «центр – регионы»:

Вот недавно была в поселке, через них проходит эта труба. По ней куда-то утекает нефть. Нефть утекает на восток, деньги – на запад, а они сидят в полуразрушенной деревне, которая вымирает [...], при этом у них есть телевизоры, они видят, сколько стоит эта нефть, видят, на каких машинах приезжает начальство, и понимают, что что-то здесь не так [...] (И., 32, ж., э., Иркутск).

Именно в контексте этой дифференциации обсуждается идея сибирской политической нации как одного из вариантов институционализации сибирской идентичности. Последняя является скорее позицией меньшинства и высказывается в основном, хотя и не исключительно, людьми с высоким уровнем образования и рефлексии, с активной гражданской позицией – гуманитарной интеллигенцией, журналистами, блогерами, предпринимателями:

– В чем общность сибиряков как политической нации?
– Прежде всего – в схожести их проблем, и в природе этих проблем, многие из которых можно решить только коллективно, только методом общественного договора [...]. Я не верю, что у меня полностью совпадают интересы, ну, например, с другими россиянами. Вот, как бы, я не верю, что проблемы совпадают настолько, что на них можно построить одну нацию (А., 33, м., э., Новосибирск).

В целом же акция «Я – сибиряк», по мнению многих наших информантов, явилась откликом на ощущение несправедливости и дисбаланса и не имеет целью признание сибиряков как отдельной национальности. По нашим интервью можно сказать, что идея о том, что «сибиряк» – это национальность, широкой поддержки пока не находит⁵: «Но пока «сибиряк» – это не национальность. Национальностью она может стать “от голода”» (Д., 40, м., э., Иркутск).

Этот проект, скорее, оказывается для людей формой политического высказывания, каналом коммуникации с центром, призывом для власти к диалогу и сотрудничеству по поводу решения острых проблем региона: «Национальность “сибиряк”» [речь идет о проекте «Я – сибиряк» – прим. авторов] – приветствую. Хоть так сигнал подать» (В., 44, м., Иркутск).

Или: «Мы хотим, чтобы нас услышали. Мы не хотим никакого развала, мы хотим, чтобы услышали: мы есть, мы существуем, и у нас есть свои интересы» (И., 32, ж., э., Иркутск).

Таким образом, проект «Я – сибиряк» в представлении опрошенных нами жителей сибирских городов не несет собственно национальной идеи. Скорее, это обращение к центру, сообщение, которое передают простые люди в стремлении обратить внимание центра на нужды и проблемы жителей Сибирского региона.

СИБИРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Наряду с ключевыми составляющими сибирской идентичности, рассмотренными в первом разделе, в представлениях о сибирской идентичности были выявлены и региональные особенности. В настоящей статье мы остановимся на нескольких из них: представлениях о символическом статусе городов и других локальностей; актуальности социально-экономических, культурных и экологических проблем сибирских регионов и Сибири в целом; гражданской активности в различных регионах Сибири.

⁵ Следует отметить, что в интервью вопрос задавался в конце общего блока вопросов об акции «Я – сибиряк» (слышал ли информант о ней, принимал ли участие, как воспринял) и был сформулирован следующим образом: «Как Вы относитесь к идее, что «сибиряк» – это национальность?» При этом трактовка термина «национальность» не уточнялась. Большинство информантов – «не экспертов» – понимало его в этническом смысле и не соглашалось с трактовкой термина «сибиряк» как национальности. Исключение составили информанты полиэтничного происхождения, выбиравшие категорию «сибиряк» в качестве заменяющей этническую (то есть как «зонтичную»). Эксперты же, напротив, относились к идее «сибирской нации» как к имеющей право на существование, трактуя при этом термин «национальность» как гражданскую, политическую общность. Сходные представления о характере общности сибиряков встречаются во многих «неэкспертных» интервью – фиксируется наличие общих для сибиряков проблем и общности (воображаемой или реальной), объединенной этими проблемами, с той лишь разницей, что общность эта не называется «национальной».

СИМВОЛИЧЕСКИЙ СТАТУС МЕСТА РОЖДЕНИЯ И ПРОЖИВАНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ СИБИРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Анализ данных, полученных в ходе исследования, позволяет сделать вывод о том, что символический статус населенного пункта (локальности)⁶, являющегося местом рождения и/или проживания информанта в восприятии как самого информанта, так и окружающих может выступать основой конструирования разных вариантов сибирской локальной идентичности.

Под символическим статусом места проживания/рождения нами понимается субъективная оценка индивидом статуса данного населенного пункта в иерархии значимых для него локальностей. Причем эта оценка формируется как на основе личного восприятия, так и на основании преобладающих категоризаций данной локальности значимыми для индивида другими. На основе собранных данных можно говорить как минимум о двух базовых, полярных способах категоризации локальностей, связанных с местом рождения и проживания информантов: «локальная идентичность как травма» vs «локальная идентичность как преимущество».

Локальная сибирская идентичность как травма. В нарративах жителей и уроженцев разных населенных пунктов Сибири можно выделить субъективные оценки места их проживания и/или рождения. Эти оценки носят иногда прямой, а чаще – косвенный характер, могут быть эмоционально окрашены и так или иначе позволяют составить представление о том статусе, который индивид приписывает данной локальности.

В ходе исследования возникло предположение, что если статус места рождения (взросления) оценивается информантом как невысокий, то он стремится уйти от идентификации с ним к другой идентичности. Это может быть идентификация с городом, где он проживает в настоящий момент. Например, информант, родившийся в селе, не говорит, что он из села К., а говорит, что он из города Новосибирска. Если интервьюер задает уточняющий вопрос: «А где Вы родились?», то на это следует обобщенный ответ, без указания конкретной локальности:

- Я родился в НСО (Новосибирской области)
- А точнее?
- В поселке городского типа (подчеркивается городской тип поселения – прим. авторов) К.
(А., 35, м., Новосибирск).

При этом часто в таких интервью присутствуют описания данной локальности в негативных тонах. Это может быть описание заброшенной деревни, где нет работы и откуда молодежь стремится уехать в город любой ценой, или маленького, оторванно-

⁶ Под локальностью здесь мы, вслед за Энтони Гидденсом и рядом других авторов, понимаем не только физическое пространство, но и систему социальных отношений и взаимодействий в рамках этого пространства.

го от цивилизации захолустного городка, где «жизнь остановилась». Складывается впечатление, что в таких случаях информант воспринимает идентификацию с «малой родиной» как травму и хочет от нее дистанцироваться. Формируется новая идентичность – либо городская, либо расширенная идентификация с «макрорегионом».

Самоидентификация с большим городом позволяет уйти от травмирующей локальной идентичности, размывает ее, но часто размывает и представление о своей идентичности как о сибирской в целом. В таких случаях формируется новая городская идентичность. В сознании информантов она лишена каких-либо отличительных «сибирских» черт. Они склонны к отрицанию различий между городами Сибири и остальной России: «Все города одинаковы, жизнь везде одинакова. Нет какой-то принципиальной разницы между Новосибирском и Москвой, Новосибирском и Барнаулом» (А., 38, ж., Новосибирск).

Локальная идентичность как преимущество. В других нарративах мы имеем дело с обратной ситуацией. Если символический статус места рождения (проживания) информанта оценивается как высокий, то локальная идентичность является значимой для информанта, ассоциация с данной локальностью подчеркивается, оценивается как преимущество: «Я из Новосибирска, а точнее из Академгородка» (Е., 29, м., Новосибирск). Или: «Конечно, я горжусь, что я живу в таком уникальном месте в смысле и природы, и науки» (Л., 50, ж., Новосибирск).

Как правило, в таких случаях именно локальная идентичность становится основой сибирской идентичности: «Ведь на нашем железнодорожном вокзале что написано? «Новосибирск – Главный». Тогда мы с гордостью бьем себя в грудь, что мы – сибиряки, потому что мы главные в Сибири» (Т., 38, ж., Новосибирск).

При этом, как видно, размер и тип поселения не имеют решающего значения. Его субъективный символический статус в сознании индивида может формироваться как на основе общепризнанного статуса, так и на основе значимости места лично для индивида или для узкого локального сообщества.

От преимущества к травме? Оценки символического статуса локальности на фоне изменения «объективного» социально-экономического положения городов. Многие из записанных во всех трех городах интервью содержат также сравнительные оценки символического статуса сибирских городов и динамики «объективной» социально-экономической ситуации в каждом из них.

Данные интервью позволяют предположить, что изменение «объективного» социально-экономического положения города неоднозначно влияет на субъективную оценку его символического статуса информантами. В этом смысле интересно сопоставление оценок жителей Омска и Иркутска. Изменения социально-экономической ситуации в обоих городах чаще оцениваются негативно (подробнее см. далее в этом разделе), однако при этом информанты из Иркутска склонны, несмотря ни на что, приписывать своему городу высокий символический статус, в то время как омичи говорят об утрате былого «величия» города: «...я когда была студенткой, очень гордилась, что мы были сибиряками, а сейчас Омск – это захолустье...» (Г., 59, ж., Омск).

Материалы интервью свидетельствуют о том, что в случае с Иркутском горожане продолжают соотносить сегодняшнюю ситуацию с былым положением столицы Восточной Сибири, исторического, культурного, научного и промышленного центра Сибирского региона, хотя и признают с сожалением, что в последние десятилетия ведущие позиции города в регионе во многом утрачены:

Эта атмосфера культурного очага – она распространялась, среда уважения к Иркутску как к культурному и научному центру Восточной Сибири формировалась. Ну прям по цитате из песни – любимый Иркутск, середина земли, [а сейчас] Иркутск законсервирован в своих амбициях, и болезненно переживает утрату своего лидерства. Очень было обидно, когда Новосибирск ушел вперед по науке, а Красноярск – по промышленному потенциалу (Д., 40, м., э., Иркутск).

В ряде интервью прослеживается мысль о существовании соперничества сибирских городов. При этом в символические «соревнования» вовлечены в основном крупные города Сибири, но не национальные республики или Дальний Восток:

С Улан-Удэ нам конкурировать бессмысленно, там поживее и по промышленному потенциалу, и вообще. У Хабаровска тоже выше потенциал, но к нему нет никаких претензий, потому что это Дальний Восток, а все, что восточнее, – неинтересно в плане соперничества. Но вот Красноярск, Новосибирск – это да. Красноярск – с ним больнее, он ближе. Новосибирск всегда был ближе к центру, он такой центральный, чиновничий, его так, вяло не любят. А вот с Красноярском остро (Д., 40, м., э., Иркутск).

Такого рода соперничество, как следует из интервью, имело место и в советское время, память о нем сказывается на восприятии родного города и сейчас. Информанты старшего поколения сопоставляют статусное положение сибирских городов «тогда» и «сейчас», отмечая и оценивая произошедшие изменения:

[Раньше] мы [омичи – прим. авторов] всегда жили лучше, чем вы [новосибирцы, томичи – прим. авторов]. Вот помню, я в Томске вышла замуж, привезла сюда мужа, заходим в магазин – и он: «Гая! Колбаса!» [...]. В Новосибирске просто были другие тряпки, а с едой в Новосибирске было хуже, и Томск тоже был голодный [...]. А потом мы проиграли – как в свое время женщина проиграла мужчине, так Омск проиграл в Сибири (Г., 59, ж., Омск).

Как следует из интервью, объяснение соперничества зачастую связано с борьбой за ресурсы: «...сибирские города и регионы стоят друг к другу спиной. И борются друг с другом за ресурсы из центра, которые распределяются не по принципам экономической целесообразности, а по статусным, и по знакомству» (В., 62, м., э., Иркутск).

Борьба за ресурсы и дух соперничества не способствуют созданию единого социокультурного пространства Сибири. В интервью отмечалась слабость горизонтальных связей между сибирскими городами, преобладание вертикальных связей, организованных преимущественно властью и ориентированных на власть:

«Сибиряк – можно понимать как региональное и социокультурное единство. Но если до революции социокультурное единство Сибири было, то сейчас его нет, есть только региональное» (В., 62, м., э., Иркутск).

При этом, несмотря на констатацию утраты «былого величия» Иркутска и проигрыш в негласном соревновании сибирских городов, в ряде интервью иркутян содержится мотив отказа от участия в «соревновании». Город не сопоставляется с другими городами по объективным (например, социально-экономическим) показателям сегодняшнего дня, его высокий статус подчеркивается через другие, вневременные ценности и достоинства.

В случае Иркутска к таким ценностям относятся, прежде всего, более богатый, по сравнению с другими сибирскими городами, «культурный слой» (многовековые культурные и образовательные традиции, история города), особый характер города и горожан, а также вневременная, «сакральная» ценность региона – озеро Байкал.

Результаты анализа интервью позволяют предположить, что эти ценности помогают горожанам наделять город и его жителей особыми чертами при сопоставлении с другими регионами Сибири:

Мне кажется, настоящие, «хорошие» сибиряки – только вокруг Байкала, а Новосибирск, Красноярск – это какие-то не настоящие сибиряки, слабые какие-то. Потому что у нас Байкал – он ведь тоже зверь, там такие волны бывают, очень страшно. А там-то [в Новосибирске, Красноярске] такого нет (Е., 48, ж., Иркутск).

Такое конструирование символических региональных отличий можно оценивать двояко. С одной стороны, «сакральные ценности» становятся основами новых региональных солидарностей и идентичностей, следствием которых становится региональный активизм: «Байкал как сакральная ценность объединяет очень разных людей в регионе, людей, которые в других обстоятельствах даже не разговаривали бы друг с другом. Их региональная идентичность строится вокруг Байкала» (В., 62, м., э., Иркутск).

С другой стороны, отказ, пусть и вынужденный, от «соревнования»/сопоставления с другими сибирскими городами в отношении насущных социально-экономических задач не способствует развитию горизонтальных связей внутри Сибирского региона и приводит к своеобразной инкапсуляции в своем микрорегионе: «А что нас [Иркутск] объединяет с Новосибирском? Да ничего. Здесь даже нет новосибирских газет, да здесь даже нет и Красноярских и улан-Удинских. Поэтому что это никому не нужно» (В., 62, м., э., Иркутск).

Примером такой ориентированности на микрорегион может являться Байкальская Сибирь как «новый регион», чьим символическим и географическим центром является озеро Байкал. Он сконструирован в условиях утраты былого статуса Иркутска (и Иркутского региона) в Восточной Сибири и Сибири в целом.

Иркутск – лучшее место для жизни в Сибири, во всех отношениях [...]. Когда я был юн, Иркутск позиционировался как столица Восточной Сибири [...]. А

сейчас он проигрывает своим географическим соседям. И когда стало понятно, что Иркутск проиграл, началось конструирование здесь региона, которого вообще на карте нет, – Байкальской Сибири, Байкальского региона (С., 40, м., э., Иркутск).

В омских интервью не отмечалось наличия общих, вневременных и при этом специфически сибирских ценностей, способных объединить людей, сформировать гордость за свой город или регион: «Особого впечатления наш город ни у кого не оставляет, вообще-то, у нас нечего смотреть, если так признаться. Абсолютно ничего нет интересного [...]. Ну да, у нас хорошие вузы, искусство, театры, но это для верхушки, доступ для простого человека очень ограничен» (Э., 19, ж., Омск).

Некоторые информанты упоминали отдельные коммерческие бренды, известные на всю страну, например, пиво «Сибирская корона» и хоккейную команду «Авангард», но консолидирующей функции они не выполняют. Можно предположить, что ввиду недостатка объединяющих ценностей на фоне констатируемого упадка промышленности, снижения культурного уровня, «вымывания» кадрового потенциала города омичи не могут высоко оценивать и современный символический статус своего города, не имеют для этого значимых оснований.

Что же касается Новосибирска, то, как упоминалось ранее, одной из самых символически значимых референций является Академгородок, фигурирующий во многих интервью как предмет особенной гордости и основание идентичности. Однако в данном случае невозможно проведение прямых аналогий с Омском и Иркутском по ряду причин.

Во-первых, в интервью нет прямых негативных оценок современного социально-экономического состояния города, динамика его развития не рассматривается ни самими горожанами, ни информантами из других городов как деградация. Скорее, наоборот, в интервью встречаются упоминания города как «столицы Сибири», «второй Москвы», «сибирского мегаполиса», что не дает оснований говорить о снижении символического статуса города. В то же время в интервью самих новосибирцев нет и ярких свидетельств бурного развития, подъема города. И это, в свою очередь, не позволяет говорить о сколько-нибудь заметном повышении символического статуса города в последние годы, скорее, его статус можно назвать стабильно высоким.

Во-вторых, являясь символически значимой локальностью как внутри города, так и за ее пределами, являясь основой идентичности своих жителей, Академгородок, тем не менее, не выполняет консолидирующей функции на уровне региона и даже города (как Байкал в Иркутском регионе), оставаясь во многом локальностью, ориентированной на саму себя. При этом в самом поселении подобного рода ориентация на свои собственные интересы способствует формированию и локальных солидарностей (например, таких как инициативные группы участников долевого строительства), и локального активизма (например, кампании против вырубки зеленых насаждений и участков леса на территории поселения, за сохранение лыжни при строительстве коттеджного поселка и др.). Иногда, впрочем, локальные гражданские инициативы вырастают до инициатив городского масштаба (об этом пойдет речь в следующем параграфе). Однако основой консолидации в этом случае локальная идентичность не является. Это еще раз дает нам основа-

ние говорить о том, что локальности как совокупности социальных отношений и взаимодействий на территории и связанных с территорией могут способствовать формированию разных вариантов идентичностей, что, в свою очередь, может иметь следствием разные (в частности, по масштабам и направленности) версии гражданской активности жителей.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ И ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ

Важным для формирования регионально специфических версий сибирской идентичности является осознание актуальных проблем региона (прежде всего социально-экономических и экологических) и участие сибиряков в их решении.

Осознание проблем региона «включается» в производство сибирской идентичности (во всяком случае – ее политической составляющей) не «автоматически», а в связке с деятельностью в направлении их решения. Именно здесь – во взаимосвязи регионального самосознания и гражданской активности – и видны наиболее отчетливо различия между городами.

Набор проблем, актуальных для региона в целом, в восприятии жителей Омска, Иркутска, Новосибирска в основном совпадает. Ключевые из них – плохая экология, неразвитая инфраструктура, кризис промышленности, безработица и отсутствие возможностей для развития (особенно это касается молодежи), неблагоприятная демографическая ситуация, миграция и отток квалифицированных кадров из региона и т.д. При этом для разных регионов острота и уровень осознания различных проблем разные, и, что особенно важно, есть существенные различия в традициях и способах решения проблем в регионе (в том числе – силами самих жителей).

Собранный материал позволяет предположить, что в настоящее время наблюдается рассогласование между региональным самосознанием (основанным на ощущении несправедливости, которое зачастую сопровождается желанием и готовностью делать что-то для изменения неблагоприятного положения дел в регионе) и собственно гражданской активностью, в которой могли бы выражаться и реализовываться оформляющиеся региональные интересы («мы – сибиряки – объединяемся для решения общих проблем»). Жители осознают многие проблемы региона, проявляют критичность, рассказывая о проблемах региона и причинах их появления и воспроизводства, но в большинстве своем весьма неохотно включаются в публичные мероприятия по поводу этих проблем и, тем более, в совместное их решение:

А людям ничего не надо. И это начинается с основы. Батареи не греют, холодно – давайте разберемся, за что мы тогда платим деньги. А, да, ты собирай, а я сейчас занят [...]. Даже когда их просто грабят управляющие компании – ничего не делают. Давайте, говорю, сделаем кондоминиум, и вместо шести тысяч будем платить две. А они – «я-то вроде и хочу, но делать ничего не буду». Какой уж тут протест... (В., 44, м., Иркутск).

Причинами такого рассогласования являются как факторы регионального уровня, так и низкий уровень доверия и отсутствие оптимизма по поводу возмож-

ных позитивных результатов гражданской активности и коллективных действий в России вообще.

Солидарность и совместное участие жителей сибирских городов в решении общих проблем появляется в том случае, когда ситуация касается в буквальном смысле жизненно важных интересов:

Этот пример, про детей, он такой яркий – выйти и потребовать того, на что народ имеет право. Когда народ в минус тридцать вышел тысячами. И сработало же! У нас народ терпит, терпит, но иногда прорывается [...], когда вопрос животрепещущий. В общем, внимательнее надо к Сибири относиться, есть тут человеческие скрытые ресурсы⁷ (Н., 38, ж., Новосибирск).

Успех гражданской активности и солидарности определяется также умением договариваться и объединяться и наличием в городе позитивного примера решения проблем силами самих горожан и гражданских активистов.

Города, в которых проводилось исследование, предоставляют в этом отношении противоположные примеры. Наши интервью демонстрируют, что в Омске наименее выражены проявления сибирской идентичности в целом, и особенно – в той части, которая касается преобразования регионального самосознания в деятельность по совместному решению проблем региона. Невысокая активность населения часто объясняется неэффективностью гражданских инициатив, отсутствием диалога между горожанами и властью: «Да что тут сделаешь – ничего не сделаешь. Простой человек-то что может? Ничего не может» (В., 45, ж., Омск). Или: «Не в людях у нас проблема, а в том, что людей не слышат. Делай что-то – не делай, все равно местные власти закрыты, запросы не доходят, и ничего не решается» (Э., 19, ж., Омск).

Кроме того, снижение символического статуса города и недостаток локальных консолидирующих ценностей, сравнительно низкий уровень жизни, интенсивные миграционные процессы (в том числе отток квалифицированных кадров, молодежи), наряду с приграничным положением города, не способствуют устойчивости региональной идентичности, а, напротив, вносят вклад в усиление «отъездных» настроений. Можно сказать, что для омичей (особенно для молодых горожан) распространенным способом решения региональных проблем является отъезд из региона:

⁷ Имеется в виду история спонтанного подъема гражданской активности в Новосибирске после того, как маленький ребенок жительницы Новосибирского Академгородка погиб из-за несвоевременного оказания ему срочной медицинской помощи. Ближайшие больницы, действуя согласно инструкции Минздрава, отказались госпитализировать его, несмотря на тяжелое состояние. После этого тысячи людей вышли на улицы с требованиями изменить ситуацию с детским здравоохранением в городе. В результате активности жителей была создана общественная организация «Здравоохранение – детям», благодаря деятельности которой было восстановлено детское отделение в отдаленном районе города – Академгородке, закуплены реанимобили с оборудованием для детской реанимации, отремонтирована детская больница скорой помощи.

Да все уезжают. Мои школьные друзья – все, они все поужезжали, в Москву, в Новосибирск, еще куда-то. Омск у нас умами богат, но люди с умами и уезжают отсюда за возможностями, здесь нечего делать [...]. И для меня здесь нет возможности устроиться, например, в международную корпорацию, нет интересной работы [...]. Я хочу уехать отсюда – и уеду (Э., 19, ж., Омск).

В Новосибирске есть позитивные примеры решения местных проблем силами жителей города, и касаются они прежде всего жизненно важных проблем (таких, например, как в приведенном выше примере – детской медицины и детского здоровья). Граждане поверили в свои силы, и продолжают проявлять активность и добиваться реализации своих прав и интересов, но к сибирской идентичности как таковой это не имеет прямого отношения: объединяются не «сибиряки», а родители, все, кому небезразлична судьба детей.

В том случае, когда речь идет об интересах другого порядка, люди неохотно включаются в деятельность по их реализации. Это происходит из-за отсутствия веры в возможность изменений, отсутствия внятных программ и разделяемых целей совместных действий. Иными словами, сибирская идентичность как таковая пока не обладает достаточной консолидирующей силой для того, чтобы объединять жителей региона или хотя бы города. Солидаризация на основе сибирской идентичности происходит в узких группах гражданских и политических активистов, которые в своей деятельности сталкиваются с проблемами региона и испытывают связанное с этим сопротивление. Такая солидарность зачастую принимает форму гражданского, культурного или политического протеста. Сибирская идентичность как основа совместной активности реализуется в таком случае не через активность граждан, а в действиях небольшой группы единомышленников, обращающихся к сибирякам и к центру посредством реализации культурных и политических проектов (фильмы о проблемах региона, учреждение организации «Сибирская национально-культурная автономия»⁸, известный в России проект «Монстрация» и т.д.).

Ярким примером такой мобилизации стала история со снятым группой активистов фильмом «Нефть в обмен на ничего», привлекающим внимание сибиряков и центральной власти к специфически сибирским проблемам и к необходимости их совместного решения⁹.

Важную роль в объединении жителей Сибири вокруг решения специфически сибирских проблем играет не только активизм как таковой, но и результаты этой активности – достижение поставленных целей или решение проблемы, давшей старт коллективной мобилизации. Отсутствие эффекта или негативный результат снижают уровень консолидации интересов: «Сначала все очень воодушевились,

⁸ Подробнее об этом см.: Globalsib.com. 2012. «Преобразование Сибири займется национально-культурная автономия сибиряков». 2 марта. Просмотрено 1 ноября 2012 г. (<http://globalsib.com/13898>).

⁹ Подробнее о проекте и об общественном резонансе, который он вызвал, см. сайт фильма: «Нефть в обмен на ничего», документальный фильм, 45 минут, реж. Дмитрий Марголин и Артем Лоскутов, 2011. Просмотрено 1 ноября 2012 г. (<http://oil-for-nothing.ru>).

кто-то говорил, что, там, миллион человек сибиряками записались. Ну, миллион – не миллион, но десятки тысяч точно. А когда опубликовали результаты переписи, и оказалось... В общем, все, конечно, расстроились очень, энтузиазма поубавилось» (А., 33, м., э., Новосибирск).

В том случае, когда осознание общих проблем сопровождается опытом совместных коллективных действий (особенно если эти действия были успешными), это способствует формированию сибирской идентичности как политического проекта. Ярким примером того, как это происходит, является Иркутск с его историей экологических движений и эффективных гражданских протестов:

В 2006 году у нас были массовые митинги в защиту Байкала, и многие говорят, что для них это было поворотным моментом, когда они поняли, что хотят что-то делать, и что это может быть успешным [...]. Это была мощная кампания, которая затронула не только экологическую проблему, но и права живущих здесь людей [...]. Отсюда начинается понятие «сибиряк» как основа солидарности. Мы живем на Байкале, и поэтому мы – сибиряки (И., 32, ж., э., Иркутск).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что сибирская идентичность складывается в результате деятельности жителей региона в особенных условиях жизни: территориальных, пространственных, климатических, социально-экономических, культурных и т.д. Исследование позволило выделить основные формы актуализации сибирской идентичности:

- *территориальная*, но формирующаяся не «автоматически», а в результате деятельности, предполагающей преобразование среды, преодоление ее ограничений и сопротивления; можно сказать, что речь идет не столько о территориальной идентичности, сколько о культурных идентичностях, которые формируются и актуализируются в результате взаимодействий на территории и с территорией;
- *этническая*, для информантов «полиэтничного происхождения» выступающая в качестве «зонтичной» идентичности, если не заменяющей национальность, то позволяющей «примирить» все значимые для информанта этнические и национальные категории;
- *политическая*, демонстрирующая рост значимости процессов формирования сибирской идентичности «снизу» – как политической нации, а не «сверху» или «извне» как следствия определенных групповых намерений. В этом смысле акция «Я – сибиряк»¹⁰ является не проектом по созданию новой национальности, но способом обращения жителей региона к центральным властям для привлечения внимания к проблемам региона, призывом к совместным действиям по решению специфических региональных проблем.

¹⁰ Акция, призывавшая жителей Сибири во время переписи населения писать в графе «национальность» – «сибиряк».

Наряду с общими чертами сибирской идентичности выявлены и региональные особенности, связанные, прежде всего, с оценкой жителями символического статуса города, спецификой городских и региональных проблем, их осознанием и традициями участия жителей в решении актуальных проблем города и региона.

Исследование также показало, что, несмотря на межрегиональные различия, в целом в Сибири развиваются различные формы актуализации сибирской идентичности (в культурном, политическом, гражданском и других измерениях), спектр которых, вероятно, будет в дальнейшем только расширяться.

Высказанное вначале предположение о необходимости конструктивистской перспективы для изучения региональных идентичностей в подвижных, «переселенческих» обществах представляется правомерным. Собранный нами материал показывает, как переселенческий характер общества в Сибири (что предполагает как способ и историю заселения региона, так и культурное, и этническое разнообразие «переселенцев») определяет характер идентичности: сибирская идентичность актуализируется в связи со сходными условиями жизни, а также в связи с «общим делом», с разделяемыми интересами, с осознанием актуальных на данный момент проблем региона, и – как результат – изменчива во времени. Следовательно, изучение сибирской идентичности требует гибкого подхода, который позволяет учитывать как смысловое наполнение, так и пути формирования и актуализации идентичности сибиряков. Кроме того, можно предположить, что «сфера влияния» конструктивистской перспективы в исследованиях региональных идентичностей будет в дальнейшем расширяться. Современный мир становится мобильным и в некотором смысле «переселенческим»: люди все чаще меняют места работы и проживания, ослабевают связки «нация – гражданство – территория», мир становится доступен все большему числу людей и в опыте (через путешествия), и в воображении – благодаря традиционным и новым медиа. В этом контексте механизмы «автоматического формирования» региональных идентичностей, возможно, перестанут работать вовсе и значимость «деятельностных» и политических форм становления и актуализации региональных идентичностей возрастет.

Разумеется, это не означает, что механизмы формирования региональной идентичности будут сходными для разных стран и регионов¹¹, но придает большую актуальность задаче исследования региональных идентичностей как «сделанных», динамичных и изменчивых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акопов, Сергей и Мария Розанова. 2010. *Идентичности в эпоху глобальных миграций*. СПб.: ДЕАН.
Антипин, Владимир. 2011. «Гражданин Сибири. Почему русские за Уралом больше не хотят быть русскими». *Русский репортер* 7(185), 22 февраля, с. 24–34.

¹¹ Приведем только один пример: важная особенность сибирского контекста в том, что Сибирь осваивалась как «ничья земля», все приезжающие были, с определенными оговорками, равны в переселенческом обществе (чего не скажешь о современных обществах, в которых переселение, как правило, связано с претензией «чужака» на «чью-то землю»). Существует множество других линий, по которым контексты формирования идентичностей в современных переселенческих обществах будут различаться.

- Богданова, Лидия. 1999. «Территориальные интересы общностей разных иерархических уровней». С. 32–56 в *Территориальные интересы: Сб. науч. тр.*, под ред. Александра Каченко. Тверь: Тверской государственный университет.
- Брубейкер, Роджерс и Фредерик Купер. [2000] 2002. «За пределами идентичности». *Ab Imperio* 3:61–115.
- Герасименко, Олеся. 2012. «Как колонией была, так и останется». *Коммерсант* 15(969), 16 апреля. Просмотрено 26 апреля 2012 г. (<http://kommersant.ru/doc/1907724>).
- Жигунова, Марина. 2007. «Этносоциология русских Сибири: проблемы современной идентичности». С. 191–195 в *Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник*, Выпуск 8, под ред. Юрия Попкова и др. Новосибирск: Сибирское научное издательство.
- Крылов, Михаил. 2005. «Региональная идентичность в историческом ядре европейской России». *Социологические исследования* 3:13–23.
- Михайлов, Владислав. 2011. «Все мы немного сибиряки...» *Эксперт Сибирь* 50(315), 19 декабря. Просмотрено 23 декабря 2011 г. (<http://expert.ru/siberia/2011/50/vse-myi-nemnogo-sibiryaki>).
- Мосиенко, Наталья. 2010. *Социально-территориальная структура пространства городской агломерации*. Новосибирск: ИЗОПП СО РАН.
- Орачева, Оксана. 1999. «Региональная идентичность: миф или реальность?» С. 36–43 в *Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России: Материалы семинара*, под ред. Михаила Ильина и Ирины Бусыгиной. М.: МОНФ.
- Сверкунова, Наталья. 1996. «Феномен сибиряка». *Социологические исследования* 8:90–94.
- Смирнова, Татьяна. 2009. «Немецкое население Западной Сибири в конце XX – начале XXI века: формирование и развитие диаспорной группы». Автореферат диссертации д-ра исторических наук. Омск: Омский государственный университет.
- Appadurai, Arjun. 1995. "The Production of Locality." Pp. 204–225 in *Counterworks: Managing the Diversity of Knowledge*, edited by Richard Fardon. London: Routledge.
- Jenkins, Richard. [1996] 2008. *Social Identity*. 3rd ed. London: Routledge.

“SIBIRIAK”: COMMUNITY, NATIONALITY, OR “STATE OF MIND”?

Alla Anisimova, Olga Echevskaya

Alla Anisimova is a senior lecturer at Novosibirsk State University, Department of Sociology. Address for correspondence: Pirogova street 2, office 203a, Novosibirsk, 630090, Russia. anissimova27@academ.org.

Olga Echevskaya is an associate professor at Novosibirsk State University, Department of Sociology, and a researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Science. Address for correspondence: Pirogova street 2, office 203a, Novosibirsk, 630090, Russia. echevskaya@gmail.com.

The article is based on the research conducted by authors and supported by the Friedrich Ebert Foundation; Project title: “Siberian (‘Sibiriak’): Components of Image and Identity” (May 2011–May 2012); fieldwork period: September–December, 2011.

The concept of social identity is being reconsidered in the social sciences due to transformations undergone by (post)modern societies, such as globalization, localization, and the intensification of global migration. In this context, the Siberian identity (being "Sibiriak") is an interesting object of research for it reflects the cultural, political, and economic effects of globalization and localization, as well as transformations in individual self-perception. This paper demonstrates that Siberian identity is not only a personal matter but also a new type of social solidarity and political claim.

Using an actionist approach to identity studies, this article explores the core elements and "versions" of Siberian identity, the contexts of its formation and actualization, and regional variations in its manifestations. Two manifestations of Siberian identity—the "Siberian character" and the "Siberian civic nationhood"—are discussed, key dimensions of their actualization (territorial, ethnic, and political) are described, and regional differences in the actualization of identities are analyzed. We conclude by suggesting that the study of Siberian identity highlights the need for, and the value of, the constructionist perspective in the analysis of regional identities in mobile, "resettlement" societies.

Keywords: Social Identity; Regional Identity; Siberia; Identity Politics

REFERENCES

- Akopov, Sergei and Mariia Rozanova. 2010. *Identichnosti v epokhu global'nykh migratsii*. Saint Petersburg: DEAN.
- Antipin, Vladimir. 2011. "Grazhdanin Sibiri. Pochemu russkie za Uralom bol'she ne khotiat byt' russkimi." *Russkii reporter* 7(185), February 22, pp. 24–34.
- Appadurai, Arjun. 1995. "The Production of Locality." Pp. 204–225 in *Counterworks: Managing the Diversity of Knowledge*, edited by Richard Fardon. London: Routledge.
- Bogdanova, Lidiia. 1999. "Territorial'nye interesy obshchnosti raznykh ierarkhicheskikh urovnei." Pp. 32–56 in *Territorial'nye interesy: Sb. nauch. tr.*, edited by Aleksandr Tkachenko. Tver': Tverskoi gosudarstvennyi universitet.
- Brubaker, Rogers and Frederick Cooper. [2000] 2002. "Za predelami identichnosti." *Ab Imperio* 3:61–115.
- Gerasimenko, Olesia. 2012. "Kak koloniei byla, tak i ostanetsia." *Kommersant* 15(969), April 16. Retrieved April 26, 2012 (<http://kommersant.ru/doc/1907724>).
- Jenkins, Richard. [1996] 2008. *Social Identity*. 3rd ed. London: Routledge.
- Krylov, Mikhail. 2005. "Regional'naia identichnost' v istoricheskom iadre evropeiskoi Rossii." *Sotsiologicheskie issledovaniia* 3:13–23.
- Mikhailov, Vladislav. 2011. "Vse my nemnogo sibiraki..." *Ekspert Sibir'* 50(315), December 19. Retrieved December 23, 2011 (<http://expert.ru/siberia/2011/50/vse-myi-nemnogo-sibiryaki>).
- Mosienko, Natal'ia. 2010. *Sotsial'no-territorial'naia struktura prostranstva gorodskoi aglomeratsii*. Novosibirsk: IEOPP SO RAN.
- Oracheva, Oksana. 1999. "Regional'naia identichnost': mif ili real'nost'?" Pp. 36–43 in *Regional'noe samosoznanie kak faktor formirovaniia politicheskoi kul'tury v Rossii: Materialy seminara*, edited by Mikhail Il'in and Irina Busygina. Moscow: MONF.
- Smirnova, Tat'iana. 2009. "Nemetskoe naselenie Zapadnoi Sibiri v kontse XX – nachale XXI veka: formirovanie i razvitie diaspornoi gruppy." Avtoreferat dissertatsii d-ra istoricheskikh nauk. Omsk: Omskii gosudarstvennyi universitet.
- Sverkunova, Natal'ia. 1996. "Fenomen sibriaka." *Sotsiologicheskie issledovaniia* 8:90–94.
- Zhigunova, Marina. 2007. "Etnosotsiologiia russkikh Sibiri: problemy sovremennoi identichnosti." Pp. 191–195 in *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri: Tematicheskii sbornik*, Vol. 8, edited by Iurii Popkov et al. Novosibirsk: Sibirskoe nauchnoe izdatel'stvo.